

а своего ребенка как отдельного маленького человека, нуждающегося в ее заботе и поддержке.

Мама перестала быть для ребенка слабым объектом, который нужно спасать, а стала более надежным объектом, на который можно опираться и использовать для своего развития. Таким образом, ребенок стал способен вовлекать маму в процесс творческого взаимодействия, а она в свою очередь, стала способна вовлекаться в него, общаться и играть с ребенком, получая от этого удовольствие. При этом мама уже не навязывала свою игру сыну, а могла следовать за его фантазиями, играть по его правилам. Было видно, что это им интересно и доставляет удовольствие обоим.

В процессе работы у мамы клиента наблюдалось значительное развитие способности выдерживать триадные отношения. Это позволило ей существенно изменить отношение к отцу ребенка и позволить ему включаться в воспитание сына на качественно ином уровне: занимать отцовскую позицию, становиться опорной фигурой, которую также можно использовать для своего развития.

Психоаналитическая работа позволила ребенку отказаться от выполнения спасательной роли (от идентичности спасателя) и направить потенциал на собственное развитие, что позволило ему в терминах Р. Шпица выйти на свою «естественную линию развития».

В терапии клиент смог начать процесс сепарации-индивидуации, центр его интересов естественным образом сместился с матери на него самого. Ребенок стал позволять себе проявлять в отношении матери различные чувства, в том числе агрессию, что ранее было запрещено. Стал более уверенным в себе, менее тревожным и пугливым. У него изменились пищевые привычки, он стал хорошо питаться, есть соответствующую возрасту пищу.

Его игра стала более живой, спонтанной, интересной. Изменились образы и сюжеты в играх. Аварий, взрывов, в которых он спасал кого-то, стало меньше. Стали преобладать житейские сюжеты, сюжеты из мультфильмов. В садике у него появились друзья.

Проявления дерматита на коже ребенка практически прошли. Он стал меньше болеть простудными заболеваниями.

На мой взгляд, обнаружение описанного феномена при работе с детьми позволяет аналитику занять наблюдающую позицию и способствует успешности терапевтического процесса. Принимающая позиция аналитика, не заинтересованного (не нуждающегося) в спасающей роли клиента-ребенка, способного контейнировать проецируемые ребенком содержания, позволяет клиенту отказаться от спасающей роли, вступить с аналитиком в отношения «творческого» взаимодействия, научиться опираться на фигуру аналитика и использовать его для своего развития. А в последующем перенести полученный в терапии опыт взаимодействия с аналитиком на отношения с собственными родителями. В результате в терапии можно наблюдать заметные изменения в развитии и поведении как детей, так и их родителей.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время существует достаточно большое количество инфантильных родителей со слабым Эго, которые способствуют формированию у ребенка идентичности спасателя. Исследования детей в России показывают, что доля детей в возрасте от 1 до 4 лет, имеющих компульсивное (вынужденное) заботливое и послушное поведение по отношению к родителю, которое является характерным для детей с идентичностью спасателя, составляет 22–25 %.

Целью аналитической терапии с такими детьми является обнаружение сформированной идентичности спасателя, поддержка потенциала ребенка для восстановления хода его нормального развития и формирования собственной уникальной идентичности (смещение вектора в развитии ребенка от чрезмерной социализации к индивидуации). ■

При живом отце — безотцовщина. Как это бывает

Гунар Татьяна
Юрьевна

[об авторе](#)

Километры бумаги исписаны по поводу матерей психосоматических пациентов, по поводу дефектов материнской функции. Об отцах написано немного: отец отсутствующий, мерцающий, слабый. И вот мы работаем с пациентом, восполняем, ремонтируем материнскую функцию, начинается прекрасная динамика, пациент делает попытку социализации — и следует обвал. Мы начинаем думать о негативной терапевтической реакции, но откат может быть связан со слабостью отцовского объекта. Пациенту не на кого опереться в огромном мире, он чувствует себя одиноким и уязвимым, откатывается обратно к матери. Ему как будто не за что зацепиться. Как будто ребенок взбирается на ледяную горку, мы сколько можем, подталкиваем его вверх под попу, но, не найдя за что зацепиться наверху, малыш срывается и скатывается вниз.

И сегодня я хочу поговорить именно об отцах психосоматических пациентов, точнее, об их внутриспсихическом отсутствии. Именно внутриспсихическом, поскольку физически отсутствующий в доме мужчина вполне может быть хорошим отцом, а реально живущий — плохим, отсутствующим, мерцающим.

Мать и отец играют в жизни ребенка разные роли, у них в воспитании разные функции. Так же, как и в обществе, мужчины и женщины осуществляют разные процессы, или одни и те же выполняют по-разному, несмотря на эмансипацию, смещение гендерных ролей и прочие цивилизационные процессы. Да простят меня борцы за равноправие мужчин и женщин, пол — это все-таки судьба. Традиционно женское — эмоциональное, вбирающее, трансформирующее, рождающее, заботящееся. Типично мужское — властное, внедряющееся, структурирующее, дающее опору, осуществляющее внешнюю защиту.

У взрослого человека психика включает мужское и женское, вне зависимости от пола. Ребенок растет рядом с мамой и папой, формируя материнский и отцовский внутренние объекты. Реализуя, в зависимости от обстоятельств, свое мужское или женское начало, мы как бы задействуем своих внутренних родителей. В первые месяцы жизни у ребенка есть только мать, именно от нее ребенок узнает: какой он? Что он чувствует? То есть, ощущения себя в мире ребенок вырабатывает с помощью матери, а проводит границу между миром и собой, узнает законы этого мира он с помощью отца.

И в сложных жизненных ситуациях, когда война, кризис, эпидемия, нам особенно нужен мужчина. Опора, защитник, проводник в пространстве неопределенности — Отец. Именно дефицит отцовского объекта делает выживание в реалиях сегодняшнего дня особенно мучительным. Когда нужна опора, когда нужна настоящая толерантность к неопределенности.

Итак, зачем ребенку нужен отец? Какие его главные функции?

Отец отделяет ребенка от матери, снижает напряжение его полной и страшной зависимости от нее, «разбавляет» ее безграничную власть над беспомощным малышом, одновременно создавая ребенку защиту, вводя в его мир свод норм и правил, соблюдение которых дает возможность выжить.

Отец одним своим существованием учит ребенка состоять в отношениях из трех человек, в отношениях, где между

их участниками есть дистанция, есть различия, где поведение неоднозначно, а эмоции теряют тотальность. Трое — это уже группа, и вхождение в триаду становится репетицией вхождения в социум.

Отец является для ребенка зеркалом, санкционирует выбор своей идентичности, как бы разрешает стать собой. Именно от отца дети узнают, как устроен мир, в который они пришли. И как мир воспринимает их самих, их самобытность, уникальность, их особенности.

Таким образом, присутствие отца обеспечивает возможность прохождения ребенком стадии сепарации-индивидуации. На этой стадии, в возрасте полутора-двух лет, нужно решить две задачи: почувствовать себя отдельным от матери существом и ощутить собственную индивидуальность, обрести чувство «Я» или Самости. Эти задачи неразрывно связаны, решение одной без решения другой невозможно. И отсутствие отца или его слабость, неспособность выполнить свою отцовскую работу обрушивает решение их обеих.

В отношениях с мужем, в его любви мать черпает силы на отношения с ребенком. Растить, выдерживать маленькое существо, которое еще не умеет говорить, помогать ему справляться с собой и своими потребностями бесконечно тяжело. И без мужчины, без его тепла и силы, без ресурса сексуальных отношений женщина не справляется с переживаниями младенца, становится отстраненной или враждебной. И это еще больше осложняет обретение ребенком собственной индивидуальности, ведь он чувствует себя нелюбимым, непринятым.

Что такое отсутствующий отец? В первую очередь, это мужчина, исчезнувший из жизни женщины еще до рождения ребенка или сразу вскоре, и не принимающий участия в его жизни.

Не обязательно, что его реально нет.

Для начала, у матери и ребенка должны сформироваться отношения, в которых присутствие отца вообще возможно.

Женщина должна психологически «родить». На одном из недавних семинаров, рассказывая о формировании Я, Рене Руссийон говорил о ситуации, когда женщина

Доклад Татьяны Юрьевны Гунар

не может психологически родить ребенка. Если она рождает и по какой-то причине не может провести время вместе с ребенком, например, сразу выходит на работу, или погружается в какую-либо другую ситуацию, то у нее нет возможности привыкнуть, адаптироваться к появлению новорожденного, осознать его существование. И он остается для нее нерожденным.

Мать должна быть такой, от которой можно отлипнуть. Выйти из симбиоза. В своей теории Давид Либман говорит о первой психосоматической фиксации, которая приходится на возраст формирования симбиоза. Эта фиксация возникает в отношениях с матерью-рикошетом, которая не может контейнировать переживания другого человека, в первую очередь, ребенка, у нее отсутствует внутреннее пространство. С такой матерью невозможно сформировать симбиоз и, соответственно, невозможно из него выйти. Ребенок остается постоянно бьющимся в закрытую дверь.

В отношениях с матерью-бомбой ребенок оказывается перед лицом необходи-

мости самому контейнировать свою мать, которая пытается эвакуировать в него свои собственные тревоги. Это содержимое столь разрушительно для ребенка (бомба), что он вынужден спасаться от матери за счет образования нарциссического ядра или идентификации с агрессором, «прилипая к спине матери», чтобы она его не «увидела». Истинного симбиоза, естественно, не получится сформировать, потому что для малыша он убийственен.

Я думаю, трудно усомниться в том, что в таком положении оказываются женщины, которые эмоционально бедны и очень одиноки. Их мужчина не становится для них реальным объектом. Это муж-фейк, муж-голограмма. Мужчина, который не может построить отношения со своей семьей.

На самом начальном этапе, в первые месяцы, в симбиозе, отец существует для ребенка только как идея в голове матери. Реальный отец, даже если он принимает участие в уходе за малышом, воспринимается как «недомать». Именно идея

матери об отце ребенка и закладывается в основу формирования отцовского объекта, делает появление отца в жизни ребенка возможным.

Бывает, когда жена не воспринимает мужа в роли отца своих детей.

Например, у нее самой не было отца, или он был слаб, и она строит свою семью по сценарию родительской. Ее мать заменяла ей отца, и она сама стремится стать отцом своим детям, «выдавливая» мужа из этой роли. Или еще жестче, если ее отец умер, она бессознательно умерщвляет отцовскую ипостась своего мужа.

К такому же символическому «отцеубийству» женщину может привести застревание в эдипальной ревности или архаичной зависти к своему отцу.

И муж осознанно или бессознательно устраняется из своего отцовства ради сохранения отношений с любимой женщиной или из страха перед ней.

Отсутствующим отцом может быть мужчина, который живет в семье, но родителем быть не может, не умеет. Не хочет.

Почему так происходит?

Отец работает, его нет в семье. Отец-нарцисс. Ребенка для него не существует, как не существует других людей, у него серьезное нарушение в сфере объектных отношений.

Часто отсутствующими в семье отцами становятся эмигранты, или люди, осуществляющие резкий переход из одного социального слоя в другой, более высокий — из грязи в князи (бизнесмены перестройки) и т.д. — они напряженно работают на свой новый образ и ребенок должен стать живой реализацией этого образа. «Я работаю, чтобы мой ребенок стал настоящим американцем». Здесь нет реальных отношений отец — ребенок, отношения строятся с идеализированным ребенком.

Отцами не могут быть слабые, инфантильные люди. Если ты сам, по сути, ребенок, родителем у тебя стать не получится. Ты можешь быть своему ребенку другом, братом, но не папой.

Иногда мужчина может, но не хочет быть отцом. Особенно, если ненавидит своего, который когда-то причинял ему боль, которая так и не была оправдана в процессе

взросления. Боль сепарации от матери, боль побоев, критики, отвержения. Был жесток, холоден, непредсказуем. Вызывал ревность, гневную зависть к своей власти.

Эта зависть особенно остра и мучительна, если отец нашего героя сам не был взрослым и вел себя, как дорвавшийся до власти ребенок. И сын сказал себе: «Я никогда не буду таким!». Власть отца представляется ему разрушительной, осуществление ее по отношению к своему ребенку кажется причинением ему вреда. Он пытается вытеснить из себя отца, уничтожая его функции, пытаясь быть своему ребенку кем-то другим — матерью, другом, братом.

Существует еще трансгенерационная передача «антиотцовства», травма Второй мировой войны. Дети войны не могут быть родителями, в их мире взрослые уходят на фронт и умирают. И они становятся своим детям мертвыми родителями, антиродителями, несуществующими отцами.

Так создаются семьи, в которых мужчины есть, а папы нет. Этот феномен деформирует психику детей, мешает им нормально развиваться. Как эта деформация может проявляться во взрослой жизни?

Что делает своему ребенку и со своим ребенком слабым, отсутствующий отец?

Без отца власть матери над ребенком, особенно над младенцем, безраздельна. Ее некому уравновесить, некому урезать. Некому напитать ее любовью, развернуть ее либидо, «разбавить» ее агрессию по отношению к ребенку. Матери негде взять силы на то, чтобы выдерживать малыша, контейнировать его влечение к смерти, столь сильное у новорожденных. Отца нет — и некому отделить ребенка от матери, сепарация невозможна, невозможна индивидуация.

И ребенку приходится самому «отрашивать» защиты от матери, находить собственные способы отделения, псевдо сепарации, которые могут быть нездоровыми и весьма уродливыми.

Это может быть сильнейшая агрессия по отношению к матери, доходящая до ненависти, эпизодической или постоянной. Ненависть одновременно создает дистанцию между тобой и матерью и осуществляет связь с ней, ведь настоящая сепарация

невозможна. Очень хорошо иллюстрирует эту ненависть механизм идентификации с агрессором, о котором я говорила ранее.

Это может быть создание ложной Самости в форме патологической лживости или болезни. Ложное Я дезориентирует мать, создает иллюзию отдельного существования. Мать, по сути, остается средой, весь внешний мир и его требования воспринимаются бессознательно как внутриутробная или ранняя мать.

Винникотт описывал Истинную самость как пузырь, который должен выдержать давление внешней реальности. Если пузырь чувствует себя слабым и уязвимым, он будет выпускать ложные пузыри и подставлять под давление реальности.

Можно отдать матери своего ребенка (внука) и сбежать в псевдо самостоятельность.

Но все это — не настоящее взросление, мы по-прежнему чувствуем себя мячиком в руках матери, ощущаем ее господство над нами. И бунтуем против этого господства, которое видится нам в любых проявлениях любой власти.

Ребенок, у которого нет отца, преисполнен зависти к матери, у которой есть или может быть мужчина. Малыш привязывает ее к себе непрерывным безутешным плачем, а взрослая, постоянным предъявлением неразрешимых проблем. Такое поведение — это, по сути, завистливое разрушение собственного мира матери, свободного пространства, в котором она может обладать тем, что ребенку недоступно.

В отсутствии свободного пространства между матерью и ребенком у них нет возможности направить свою агрессию вовне, и она ощущается каждым как своя злость и своя же боль, разрывает душу и сердце, агрессия, направленная на себя — это суицид, самоповреждение, деструктивное поведение, соматические заболевания.

Отсутствие отца препятствует прохождению ребенком Стадии зеркала. Это понятие, которое ввел французский психоаналитик Жак Лакан. Это понятие означает не только этап развития, но и феномен. Стадия зеркала описывает установление взаимоотношений ребенка с собственным

отраженным образом и формирование Я в динамике этих отношений.

Ребенок начинает узнавать себя в зеркале в том возрасте, когда ему еще сильно недостает моторной координации, проще говоря, тело его слушается очень плохо. И, воспринимая отражение себя как целое, свое тело он чувствует фрагментированным.

По мысли Лакана, этот контраст поначалу ощущается ребенком как соперничество с собственным отражением, стадия зеркала даёт начало агрессивному напряжению между субъектом и образом, между Воображаемым и Реальным. Таким образом, на Стадии Зеркала может либо усугубиться, либо сгладиться напряжение между ментальным Я и телом, возникшее в первой психосоматической фиксации.

Для разрядки этого напряжения также используется механизм идентификации с агрессором, и ребенок начинает идентифицировать себя с образом. И в этой первичной идентификации со своим отражением начинает формироваться Я.

Стадия зеркала имеет также важное символическое измерение. Порядок символического присутствия в фигуре взрослого, несущего ребёнка. В момент, следующий за ликованием признания образа как своего собственного, ребёнок обращается к взрослому — Большому другому, санкционирующему этот образ. И, как холдинг и контейнирование являются функцией Матери, так подтверждение образа ребенка в зеркале — это функция Отца. Он должен санкционировать отражение ребенка в зеркале, помочь сформировать понимание общности и различия между Я и отражением, помочь ощутить отчуждение от себя самого. Это отчуждение должно быть достаточным для формирования наблюдающего Эго (критичности по отношению к себе), но не излишним, когда взгляд со стороны (отражение) начинает ощущаться принадлежащим другому.

Такой баланс будет означать здоровые отношения со своим отражением в зеркале. Когда это отражение означает мгновенный след на стекле своего внешнего облика, след, который подтверждает или опровергает ощущение себя в моменте, помогает соотнести воображаемое и реальное,

подкорректировать их. Открывает возможность либидинозных инвестиций своего тела, проще говоря, любви к своему облику.

Однако взаимоотношения с зеркалом могут быть деструктивными, болезненными, являясь одновременно следствием и признаком различных нарушений нарциссического характера. Это происходит в тех случаях, когда функции Отца и Матери в раннем развитии ребенка не выполняются или выполняются неправильно, неправильно распределяются между родителями. Именно взаимоотношения с зеркалом могут быть диагностическим признаком, позволяющим сделать предположение о нарушении отцовской функции.

Напомню, что задачей матери является сформировать и подтвердить самоощущение ребенка, а функция отца — помочь ему соотносить свое самоощущение с реакцией внешнего мира.

Если материнская функция не выполнена, или выполнена недостаточно, а отец справился; или мать выполнила и отцовскую функцию тоже (подтвердила образ в зеркале) — тогда отражение может стать единственным источником самоощущения, становится «главнее тебя». И тогда самым важным становится то, «что люди скажут». Ты чувствуешь себя так, как о тебе говорят и думают, и жизненно важно, чтобы тебя хвалили, тобой восхищались, тебя боялись. Потому что тогда ты «хороший», «качественный», «сильный». И критика абсолютно невыносима, потому что превращает тебя в ничтожество на уровне собственных ощущений.

Если отчуждения от своего отражения не происходит (образ не санкционирован, отцовская функция не выполнена), тогда в зеркале ТОЖЕ ты. И каждый, кто тебя отражает, особенно если он хочет подражать тебе, как будто отнимает, отщипывает частичку тебя, вызывает жгучую ненависть. Разбирает тебя «на запчасти».

Или, наоборот, с отражением не формируется связи, и ты делишься на форму и содержание, душу и тело. И тогда «никто не знает, каков ты на самом деле» и «никто не может тебя понять». И любое общение с окружающими людьми становится походом в разведку во вражеский лагерь,

а поделиться своими чувствами абсолютно невозможно, ибо для окружающих (зеркала) их просто не существует.

Зеркало может обслуживать расщепление, и тогда оно содержит, соответственно, плохую или хорошую твою часть, становится патологическим лжецом или преследователем.

Чрезмерное отчуждение от своего отражения может быть одним из признаков психосоматического функционирования, когда тело человека вынуждено становиться его истинным зеркалом, единственным источником информации о Я-реальном.

В отсутствии отца-зеркала у ребенка возникают серьезные трудности с формированием собственной идентичности, не возникает чувство собственной индивидуальности. Для того, чтобы все же от чего-то отразиться, может быть сформировано ложное зеркало, например, симптомы, динамика экспансии, разного рода результаты: отметки в дневнике, призовые места на спортивных соревнованиях и т.д. Конечно, развитие и его реперные точки — это необходимая часть жизни любого человека. О ложном зеркале мы можем говорить тогда, когда победа на соревнованиях из достижения спортсмена превращается в его идентичность, когда человек не отличает себя от результатов своей деятельности.

Итак, взросление рядом с отсутствующим отцом крайне затруднительно, практически невозможно. Это может приводить к инфантилизму, человек растет, но никогда не становится взрослым. У него отсутствует представление о взрослении, о том, как это делается, так же, как отсутствует отец. Взросление можно обесценивать, как обесценивала виноград Лиса из басни Крылова. Тогда страдание от собственной дефицитарности сменяется чувством превосходства над окружающими, обычными людьми, живущими обыденной жизнью.

Псевдо взросление в отсутствии отца может достигаться за счет уничтожения, отрицания собственной детской, зависимой части, которая является основой Истинной Самости. Так на свет появляются гиперответственные, отщепленные от собственных чувств люди, не способные

к спонтанности и творчеству. Ошибочно считающие себя взрослыми и прочными.

Дети отсутствующих отцов испытывают громадную ненависть к ним за их отсутствие. За самоустранение, за предательство. Однако эта ненависть скрывается за маской горячей любви и идеализации. Мы фактически придумываем себе «правильного», идеального отца и начинаем его любить. Выдуманный образ нужен не только как защита от дефицитарности, но и отделяет от матери. Ненависть с отца смещается на мать, удваивает агрессию по отношению к ней.

Однако ненависть к реальному отцу никуда не уходит и нуждается в отреагировании. Она смещается на мужчин, на все мужское, отцовское. Женщины часто смещают эту ненависть на мужей и сыновей, мужчины на самих себя, на власть, на общество. Эта ненависть — невидимка порождает самодостаточных фаллических женщин и женоподобных, слабых мужчин.

Каждый из этих конфликтов может соматизироваться. Вытесненный внутриспсихический конфликт часто становится болезнью, особенно в отсутствии сепарации.

Любая социализация требует простроенных границ идентичности, уверенности в существовании и прочности этих границ. Иначе любой выход в социум угрожает деформацией или разрушением.

Но границы идентичности — это не линия, прочерченная в психической реальности. Это те части психики, которые прочно удерживаются притяжением ее ядра. Мы можем представить себе магнит и металлические опилки вокруг него. Какое-то количество опилок притянется к магниту и образует фигуру. Линия периметра этой фигуры будет иллюстрировать границы идентичности, и то, что существование этих границ обеспечено притяжением ядра. Можно провести параллель между психикой и телом. Целостность и прочность нашего организма обеспечена организацией и креплением органов и тканей вокруг скелета, кожа не обеспечивает целостность, она лишь визуализирует ее и обеспечивает внешнюю защиту.

Отцовский объект в психике — это ее скелет. Именно вокруг него организуются

ее части, внутренние объекты, именно он обеспечивает притяжение. Если скелет мягок, слаб, непрочен, мы становимся мешочком с органами, заключенными в кожу, на которую падает чрезмерная нагрузка.

И тогда нам требуется то, что Хорхе Ульник описывает как «вторая кожа», а Либерман называет «экзо».

Это может быть что-то внешнее: дом, автомобиль, определенная, хорошо выученная роль. Ролью может быть как функция, так и заболевание. Болезнь может быть прямой аналогией второй кожи, если она связана с перегрузкой мышечного каркаса позвоночника, со скованностью его отделов, болезни кровеносной системы, кожные болезни. Или символической аналогией, если она нужна для создания определенного образа, связана с выполнением функции.

Поэтому, мы сегодня говорим о необходимости воссоздания отцовского объекта в психоаналитической терапии, о техниках, которые позволяют это сделать.

На каждом этапе развития формы существования отца и его роли разные, как и роли матери. Соответственно, терапия, направленная на реставрацию отцовского объекта тоже разная, разная технически.

На стадии Симбиоза Отец для ребенка присутствует практически только в голове матери. На стадии Сепарации-индивидуации, на подфазе дифференциации младенец осознает существование мира, не связанного с его матерью. В первую очередь, реального отца.

Если отношения с матерью благоприятные и спокойные, реакция на других преимущественно характеризуется любознательностью. Если же отношения неблагоприятные, Другой вызывает выраженную тревогу; ребенок полагается на расщепление, чтобы справиться с противоречивыми чувствами. Здесь очень важно совпадение образа отца в голове у матери и образа реального отца. Если образы резко разнятся, ребенок не может интегрировать отца, не может опереться на него, будет реагировать, как на незнакомца мужского пола, проживая амбивалентность в отношении матери. Это осложнит выход ребенка на фазу практики, которая отмечена

возрастающей способностью ребенка отделяться от матери — сначала он учится ползать, потом ходить. Эти краткие периоды разлуки прерываются частым воссоединением, чтобы «напомнить о себе» и «подзарядиться», и такое поведение демонстрирует первые проявления амбивалентности ребенка по отношению к своей развивающейся автономии.

В фазу воссоединения расширяющийся мир ребенка зарождает в нем признание обладания своей идентичностью, отдельной от других. Воссоединение с матерью и потребность в ее одобрении, отражение отцом происходящего с ребенком формируют постепенно углубляющееся понимание того, что мать, отец и все другие — отдельные, реальные люди. Амбивалентность, автономия, идентичность ребенка — все это должно быть отражено отцом, узаконено и санкционировано им. Тогда ребенок спроецирует на социум образ отца, будет чувствовать себя в социальных группах комфортно и в безопасности.

К концу второго года жизни, если предыдущие уровни развития были пройдены успешно, ребенок вступает в фазу установления константности объекта, когда он понимает, что отсутствие матери и отца автоматически не означает их полную пропажу. Стабильность родителей, как объектов, устойчивость их отношений — необходимое условие прохождения этой фазы. Константность объектов сводит сепарационную тревогу до уровня выносимости, спасает от персекуторных тревог. Ребенок идет в детский сад, зная, что в тылу у него надежные, любящие его и друг друга родители. Он верит им и верит в свой дом.

Проблемы сепарации-индивидуации повторяются в подростковом возрасте, когда вопросы идентичности и близости с другими вновь выходят на первый план. Во время фазы воссоединения, как в младенчестве, так и в подростковом периоде, ребенок, скорее, реагирует на Других, и особенно на родителей, чем сам совершает действия по отношению к ним. Только в присутствии отца подросток сможет сформировать здоровую идентичность, сформировать Супер-эго, требования которого одновременно и непреложны, и выносимы.

Итак, восстановление дефицита отцовского объекта требует различных терапевтических техник, в зависимости от того, на каком этапе развития возник дефицит.

На стадии симбиоза восстановление отцовского объекта может осуществляться как восстановление образа отца в голове у матери. Работая в материнском переносе, соблюдая сеттинг и побуждая пациента его соблюдать, понимая его важность, мы предоставляем пациенту мать с идеей отца, символизированного сеттингом. Такой же идеей об отце может являться сама психоаналитическая теория, идея, в соответствии с которой мы работаем, или супервизионная поддержка, которую получает терапевт, работая с пациентом.

На более поздних этапах нужно вводить в терапию реальный отцовский объект, что возможно при хорошо простроенном материнском объекте в психике пациента, в отцовском переносе на терапевта.

Однако, с психосоматическими пациентами, у которых оба родительских объекта слабы и диффузны, а времени не так много (соматическое заболевание зачастую требует экстренных действий) наиболее эффективным является сочетание индивидуальной терапии с групповой. Впервые эту технику для лечения психосоматических пациентов успешно применил Гюнтер Аммон.

В психотерапевтической группе Ведущий выполняет роль отца, группа — матери, члены группы — их дети. В группе одновременно простраиваются оба родительских объекта, актуализируются конфликты раннего детства.

В индивидуальной терапии происходит бережное сопровождение и внимательная проработка процессов, запущенных в группе.

Сочетание индивидуальной терапии с групповой — наиболее эффективная техника работы с тяжелыми психосоматическими пациентами, особенно на более поздних этапах терапии, когда необходимо ввести в терапию реальный отцовский объект, создав тем самым возможность для проработки и трансформации фигуры отсутствующего отца. ■

Психоаналитик в поисках себя, команды, сообщества

**Федоров Ян
Олегович**

[об авторе](#)

В основу доклада легли идеи из недавно вышедшей книги (Федоров Я. О., «На грани современного анализа»). Сначала было желание перенести всё сказанное в докладе в отдельную статью, но потом я решил пойти самым простым путем. Изобретать велосипед занятие неблагодарное, особенно если он уже был изобретён ранее... тобой же. Поэтому я решил напечатать первую главу книги с сокращениями. В ней я размышляю над процессом индивидуации психоаналитика.

ГЛАВА 1. АНАЛИТИК «САМ С СОБОЙ»

Первая грань проходит через самого аналитика: исследуя ее, можно понять, как его внутренний мир, его мировоззрение и даже характер, сама его личность соотносятся с его специальностью психоаналитика. По тому, насколько идеи психоанализа интегрированы в его жизнь, мировоззрение, характер, можно выделить шесть уровней, или ступеней:

- 1) психоанализ как хобби,
- 2) как ремесло,
- 3) как бизнес,
- 4) как искусство,
- 5) как образ жизни,
- 6) как невроз.